

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В ВАРМИИ И МАЗУРАХ (ПОЛЬША)

Ю. В. Костяшов¹
В. В. Сергеев¹

Объектом исследования, выполненного в русле memory studies, является Варминьско-Мазурское воеводство Польши, которое, как и граничащая с ним Калининградская область, до войны составляло территорию германской провинции Восточная Пруссия. Цель статьи — на основе анализа нормативных актов, решений властных органов, материалов статистики и прессы выявить содержание, механизмы функционирования и основные этапы осуществления политики памяти, а также определить ее региональные особенности в период с 1945 года до наших дней. Для этого рассматриваются такие факторы, как сфера образования, музейное дело, монументальная символика, устная и печатная пропаганда, праздники и ритуалы, создание институтов национальной памяти, принятие мемориальных законов и т.д. С первых послевоенных лет власти региона стремились к утверждению в массовом сознании полоцентричной концепции его истории. Это позволило без предубеждений отнестись и эффективно использовать доставшееся наследие, но создавало искаженный образ прошлого края. Преодоление этого недостатка на рубеже XX—XXI веков способствовало переходу к концепции «открытого регионализма», противостоящего национал-популизму и обеспечивающего благоприятные возможности для международного трансграничного сотрудничества.

Ключевые слова: политика памяти, Варминьско-Мазурское воеводство, Польша, историко-культурное наследие, открытый регионализм

Введение

Понятие «политика памяти» вошло в научный обиход сравнительно недавно, в 1980-х годах, но его принято использовать и по отношению к более ранним периодам, преимущественно XX века. Трактовки этого термина весьма многообразны [1], в данной статье под политической памяти (синонимом которой выступает «историческая политика») понимается совокупность установок государства и подконтрольных ему институтов по отношению к прошлому, утверждение в массовом сознании определенных интерпретаций исторических событий ради решения текущих политических задач.

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 15.09.2018 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2018-4-8

© Костяшов Ю.В., Сергеев В.В., 2018

Когда заходит речь об использовании истории в политических целях, обычно рассматривается национальный исторический нарратив, тогда как региональным аспектам уделяется гораздо меньше внимания. Выбор в качестве объекта исследования Вармии и Мазур, то есть территории современного Варминьско-Мазурского воеводства Польши, продиктован тем, что предоставляет возможность для сравнения польского опыта с советскими практиками [2; 3] освоения земель бывшей немецкой провинции Восточная Пруссия, которые в 1945 году по решению Берлинской конференции были поделены между Польшей и СССР.

Цель настоящего исследования — выявить содержание и механизмы осуществления политики памяти польскими властями региона Вармия и Мазуры после Второй мировой войны и проанализировать особенности интеграционных процессов в регионе с участием местного населения и новоселов. В качестве источников были использованы нормативные и распорядительные акты органов власти, официальная статистика и материалы прессы, а также новейшие работы польских историков и политологов [4—6].

В связи с тем что послевоенная история Вармии и Мазур практически незнакома российскому читателю, представляется целесообразным начать повествование с особенностей формирования населения этого края.

«Интеграционный котел»?

Переданная Польше южная часть Восточной Пруссии первоначально получила название Мазурского округа, переименованного в 1946 году в Ольштынское воеводство. После ряда административных реформ в 1999 году было образовано Варминьско-Мазурское воеводство площадью 24,2 тыс. км² и населением 1434 тыс. чел. (на 2018 год). При этом было использовано историческое название «Вармия и Мазуры» [7]. Польская администрация утвердилась здесь с 23 мая 1945 года, когда советский военный комендант Ольштына полковник Александр Шумский передал власть уполномоченному польского правительства Якубу Правину. В декабре того же года была учреждена Мазурская воеводская рада народов посредством назначения 100 депутатов. Первые выборы в местные органы власти состоялись здесь только в 1954 году [8, s. 682—683, 700].

К моменту окончания военных действий в передаваемых Польше районах Восточной Пруссии оставалось 200—250 тыс. граждан Германии из 936,5 тыс., проживавших здесь до войны, в том числе этнические немцы и польскоязычные жители. Решение союзнического Контрольного совета о «репатриации» немецкого населения в Германию пользовалось полной поддержкой поляков. Газета «Ведомости Мазурские» писала, что «горы ненависти и неправды, накопленные между поляками и немцами», не позволяют говорить не только об ассимиляции последних, но даже о совместном пребывании их в составе одного государства [9, s. 4]. В первую очередь были выселены нетрудоспособные: престарелые, многодетные матери с детьми, инвалиды, беспризорные дети. Массовая депортация с перерывами продолжалась с августа 1946 до конца 1948 года, а всего с момента окончания военных действий до конца 1950 года с территории Ольштынского воеводства в Германию переселилось около 112 тыс. немцев [10, s. 395—400, 412].

В польской историографии применительно к описанию интеграционных процессов в Вармии и Мазурах нередко можно встретить упоминание о концепции «плавильного котла» [11, s. 11—12]. Вот почему важно рассмотреть состав населения этого региона и охарактеризовать его наиболее значимые группы.

**Распределение населения Ольштынского воеводства в 1950 году
по местам выхода (предыдущего проживания) [12, s. 329]**

Категория населения	Численность, тыс. чел.	Удельный вес, %
«Автохтоны»	117,2	19,2
Внутренние мигранты	352,4	57,8
Репатрианты из СССР	134,2	22,0
Репатрианты и реэмигранты с Запада	3,1	0,5
Место выхода неизвестно	3,3	0,5
Всего	610,2	100

Как видно из таблицы, большинство новоселов (57,8%) составляли выходцы из южных и центральных воеводств Польши, примерно в равных долях ($\frac{1}{5}$) были представлены местные жители и выходцы из СССР, а вот доля репатриантов и реэмигрантов с Запада была ничтожно малой. Рассмотрим каждую из этих групп с тем, чтобы иметь представление об их социальном опыте, жизненных устремлениях и характере коллективной исторической памяти. Такое сравнение позволит оценить действия властей и применимость теории «плавленного котла» к местным реалиям.

Автохтоны. Этим термином обозначали местных польскоговорящих жителей из числа подданных рейха. Такая формула была неточной, ибо среди восточнопрусских поляков было немало потомков мигрантов, а истинными автохтонами на этой земле следовало бы признать древних пруссов, которые были полностью ассимилированы.

В отличие от СССР, где в 1947—1948 годах из Калининградской области были выселены все граждане Германии, невзирая на их этнические корни, в подконтрольных Польше районах Восточной Пруссии от немцев отделили поляков-автохтонов. Они состояли из двух основных групп: *вармяки* — польские жители области Вармия, исповедовавшие католицизм, и *мазуры* — население Мазурского Поозерья протестантской веры. В отношении этих категорий бывших германских подданных была проведена процедура *верификации*, то есть подтверждения их польского происхождения специальными «гражданскими комиссиями». Соискатели должны были доказать, что происходят из польской семьи, пользуются родным языком и чтут национальные традиции, а также подписать декларацию верности польскому государству. При этом не было и речи о том, чтобы дать им шанс на сохранение своей самобытности. Более того, поляки-переселенцы трактовали автохтонов как «швабов» и нередко их притесняли. Процесс верификации проходил медленно, и власти в 1949 году принудительно наделили польским гражданством тех автохтонов, которые не пожелали выехать в Германию, но и отказывались присягать на верность Польше. Всего в результате акции верификации польское гражданство получили около 113 тыс. вармяков и мазуров [10, s. 396; 13, s. 488].

Эти категории бывших жителей Восточной Пруссии не сумели адаптироваться в новых условиях. Когда появилась возможность, они предпочли уехать в страну, которую по-прежнему считали своей родиной. В 1956—1959 годах из Ольштынского воеводства выехали в ГДР 3,9 тыс. чел. и в ФРГ 32,3 тыс. чел. из числа автохтонов. В следующее десятилетие добились разрешения на выезд еще около 15 тыс. чел. Репатриация ускорилась после заключения 9 октября 1975 года соглашения Польши с ФРГ о воссоединении разделенных семей. В рамках этой акции в ФРГ в 1976—1984 годах выехали 36,2 тыс. чел., всего же в Западную Германию в 1952—1984 годах выехали 105 тыс. жителей

Вармии и Мазур [13, s. 488]. Сегодня официальная польская статистика практически не учитывает эти этнические группы. В ходе всеобщей переписи 2011 года мазурскую идентичность задекларировали всего 1376 чел. Численность вармяков обычно определяют в 4—5 тыс. человек. По оценкам некоторых специалистов, обе эти группы в настоящее время насчитывают около 20 тыс. чел., то есть не более 1,5% от общего числа жителей Варминьско-Мазурского воеводства [13, s. 488—491; 14, s. 91—92].

Внутренние мигранты. Это переселенцы из центральных и южных воеводств Польши, стихийно и по вербовке прибывавшие в бывшую Восточную Пруссию в поисках лучшей доли. В их числе было несколько тысяч столичных жителей из разрушенной Варшавы, которые, как правило, занимали руководящие должности. Большинство же составляли выходцы из деревни — бедные, малограмотные, но активные, мобильные, предприимчивые, находящиеся в расцвете жизненных сил. Среди них нередко встречались авантюристы, промышленявшие мародерством и грабежами, насильственно завладевавшие чужой недвижимостью, от которых очень страдало местное население [15, s. 201].

В числе внутренних мигрантов были и украинцы, которых в 1947 году в рамках операции «Висла» принудительно переселяли из юго-восточных воеводств с целью ликвидации социальной базы Украинской повстанческой армии (УПА) и ячеек Организации украинских националистов (ОУН) в Польше. В Ольштынское воеводство было депортировано около 12 тыс. украинских и смешанных польско-украинских семей, или 55 тыс. чел., которых размещали в наиболее разоренных войной районах на границе с СССР. Абсолютное большинство из них не занималось никакой враждебной деятельностью, но власти, да и новосель-поляки зачастую относились к ним как к гражданам второго сорта [15, s. 192—193; 16]¹.

Репатрианты из СССР. Еще один поток переселенцев в Вармию и Мазуры шел с Западной Украины, из Западной Белоруссии и Виленского края, то есть из тех районов бывшей Речи Посполитой, которые в 1939—1940 годах вошли в состав СССР (их в Польше называли «восточными кресами»). К 1950 году сюда переселилось более 130 тыс. «кресовцев». Их репатриация продолжалась в последующие годы, особенно много (свыше 30 тыс. чел.) прибыло в 1956—1960 годах. Выходцы из СССР оседали преимущественно в городах, в Ольштыне в 1950 году они составляли 42% жителей. Это были в основном люди с психическим надломом, прошедшие через аресты, тюрьмы и ссылки, с чувством совершенной по отношению к ним несправедливости, с ярко выраженным антисоветским комплексом и враждебным отношением к новому политическому строю. Они компактно селились, сохраняли свою обособленность и старались поддерживать традиции, вынесенные со своей прежней малой родины [11, s. 17—18; 17, s. 614; 18, s. 138].

Переселенцы с Запада были в основном поляками, вывезенными в годы войны на принудительные работы в Германию (репатрианты) или выехавшими за границу по доброй воле (реэмигранты). При всей малочисленности этой категории, в 1950 году насчитывавшей чуть более 3 тыс. чел., ее представители благодаря особенному жизненному опыту (большинство из них прибыли из Германии и Франции) стали в какой-то степени проводниками полученных в Западной Европе знаний, норм и обычаев [19, p. 175].

Все четыре группы жителей весьма существенно отличались друг от друга, их отношения складывались противоречиво, а часто и враждебно, дело дохо-

¹ Польский сейм в 1990 году осудил депортацию украинского населения.

дило до открытых конфликтов, что крайне затрудняло достижение главной цели, состоявшей в соединении этих разнородных элементов и создании гармоничной региональной общности как интегрированной части единой польской нации. В связи с этим перед властями стояла сложная задача организовать справедливое распределение земли, жилья и других материальных благ, гарантировать равенство прав и одинаковую доступность социальных благ для всех категорий населения, а также обеспечить комфортные условия для получения образования и культурного развития. Увы, сделать это оказалось очень непросто.

С учетом того что абсолютное большинство местных жителей и переселенцев имело травматический опыт, полученный в годы войны, чрезвычайное значение приобретали усилия государства и подконтрольных ему институтов по ликвидации последствий этих психологических травм, организации массовой пропагандистской и воспитательной работы среди населения. При этом вполне естественно, что главным направлением в этой работе стало, выражаясь современным языком, конструирование «правильной» коллективной исторической памяти, которая должна была сыграть роль объединяющего начала для людей с разным историческим опытом.

Региональная политика памяти в послевоенные годы

Прежде всего необходимо было определиться с отношением к доставшемуся восточнопрусскому наследству. В советской и польской частях бывшей Восточной Пруссии идеологические установки властей зиждились на общем принципе отрицания ценностей немецкой культуры, которая во многом идентифицировалась как «фашистская», «враждебная славянам». В Ольштынском воеводстве, как и в Калининградской области, провозглашались одинаковые лозунги о необходимости «изгнать прусский дух», «стереть следы германизации», «избавиться от неметчины», сменить старую топонимику, утвердить новую национальную и идейную символику в публичном пространстве [20, с. 4].

В короткие сроки были снесены или «перепрофилированы» почти все памятники и монументы. Так, с памятника немецкому экономисту Герману Шульце-Деличу в Ольштыне просто сбили барельеф и привинтили новую табличку, из которой следовало, что теперь это Монумент борцам за свободу Вармии и Мазур. Был разобран знаменитый мавзолей Гинденбурга под Ольштынком, а великолепные гранитные блоки, из которых он был построен, пошли на создание главного монумента края — Памятника благодарности Красной Армии, открытого в 1954 году (в начале 1990-х годов переименован в Памятник освобождения Варминьско-Мазурской земли) [21, с. 395, 397, 403, 409]. Нередко встречались случаи разборки зданий и фортификационных сооружений, еще подлежащих восстановлению, на кирпич, как это происходило в 1950-е годы в Добром Мясте и Лидзбарке Варминьском; были безвозвратно утрачены некоторые храмы [22, с. 292—294].

Тем не менее в своих практических действиях польские власти готовы были по большей части без предубеждения воспринимать новую среду обитания, проявляли толерантность к довоенным архитектурным памятникам, старались хотя бы отчасти использовать выработанный предшествующими поколениями хозяйственный уклад коренных жителей. Благодаря усилиям представителей национальной интеллигенции, особенно из среды коренных жителей, были спасены от разрушения и начали восстанавливаться орденские замки, дворцы, общественные и культовые здания. Они сумели донести до сознания властей

мысль о том, что доставшееся полякам наследство по своему содержанию было не только немецким, но и вбирало в себя разнообразные элементы культуры других проживавших в Восточной Пруссии этносов, прежде всего польскоязычных мазуров и вармяков. Более того, со временем историко-культурное наследие Восточной Пруссии официально стали трактовать, хотя и не всегда корректно, как часть национального достояния, обосновывая этот тезис тем, что в прошлом земли региона входили в состав Польского королевства или же являлись территорией расселения польских колонистов².

Показательно в связи с этим отношение к движимому культурному наследию. Работники воеводской и районных администраций вместе с гражданскими активистами уже в 1945 году предприняли чрезвычайные усилия, чтобы спасти музейные ценности, книги, исторические источники из местных и провинциальных архивов, в том числе из коллекции знаменитого кёнигсбергского музея «Пруссия». Документы, книги и артефакты собирались по всему воеводству и свозились в Ольштын. Так, за 1947—1951 годы с целью выявления архивных документов было обследовано свыше 800 населенных пунктов и собрано более 700 тонн актов. Именно благодаря этим усилиям удалось сформировать обширные собрания воеводской библиотеки, музея и государственного архива в Ольштыне. При этом от гибели спасались объекты, не только связанные с польской национальной традицией, но и имевшие немецкие корни [23, s. 467].

Одним из главных направлений в политике памяти стала музейно-выставочная деятельность. В отсутствие телевидения, а также возможностей путешествовать по стране и за границей музейные экспозиции играли важнейшую роль в формировании исторической памяти, тем более что посещение музеев часто было обязательным. Еще до окончания военных действий, в марте 1945 года был основан краеведческий музей, разместившийся в Ольштынском замке, а в 1948 году открыт Музей Коперника во Фромборке. Музеи и передвижные выставки должны были знакомить новоселов с «польскими следами» в Вармии и Мазурах: старопечатными книгами и рукописями, известными личностями, борьбой поляков против германизации и т. п. После 1949 года одной из постоянных тем выставок стали завоевания социализма в СССР, КНР и других союзнических странах [24].

Для координации всей политико-воспитательной работы в мае 1945 года было учреждено воеводское управление информации и пропаганды со штатом в 24 человека, который через два года увеличился до 86 работников. Помимо пропаганды социализма первостепенное внимание уделялось историческому образованию. При этом решались две задачи: приобщить автохтонов к общепольскому историческому нарративу, а новоселов снабдить знаниями о богатой истории поляков в Вармии и Мазурах. С этой целью в местной прессе изо дня в день публиковались очерки об истории края, проводились публичные лекции, во многих населенных пунктах действовали просветительские курсы, народные университеты, в обязательном порядке обучение по истории края проходили чиновники государственной администрации, работники сферы образования и культуры, в школьных программах на историю давались дополнительные часы [25, s. 63—64, 75—76; 26, s. 320].

² Вармия (нем. *Ermland*) как часть так называемой Королевской Пруссии входила в состав Польши в XV—XVIII веках; основным населением исторической области Мазуры (нем. *Mazur*) были колонисты из Польши, ставшие протестантами и сильно германизированные.

С большим размахом ежегодно отмечалась годовщина триумфальной победы поляков в битве с рыцарями Немецкого ордена под Грюнвальдом в 1410 году. Память об этом сражении во времена ПНР была краеугольным камнем исторической политики и стала средством легитимации властей ПНР, а кроме того, Грюнвальд символизировал «славянское единство», братский союз с СССР. В 1950—1960-е годы вокруг Грюнвальдского поля была создана целая туристическо-развлекательная инфраструктура [27, s. 287—288]. Для Вармии и Мазур этот праздник был ценен также тем, что позволял вписать региональную историю в общенациональный контекст. С другой стороны, в рамках общепольских «Недель Воссоединенных земель», которые проводились с 1946 года, вся страна знакомилась с настоящим и прошлым новоосвоенных территорий.

Большую роль в организации всей этой воспитательной работы играл созданный местной интеллигенцией Мазурский институт, совмещавший научно-исследовательскую работу с просветительской деятельностью и поддерживавший при этом тесные связи с крупнейшими университетами страны. Сотрудники института выступали также в качестве экспертов администрации, вели обширную публикаторскую и издательскую деятельность [5, s. 63—65].

Особенности исторической политики во времена ПНР

Несмотря на декларируемый отказ от «немецкого наследия», в 1945—1948 годах властями осуществлялась довольно разумная политика «реполонизации» Вармии и Мазур. При этом польскоязычным автохтонам отводилась важная роль связующего звена между восточнопрусским наследием и сотнями тысяч поляков-новоселов. После разгрома демократической оппозиции и перехода Польши в 1948 году на советскую модель развития изменилась и ситуация на Воссоединенных землях. Среди коммунистов преобладало убеждение, что польское население Восточной Пруссии настолько германизировалось, что его присутствие представляет в будущем опасность для польского государства.

По инициативе центральных властей в Ольштынском воеводстве был взят курс на унификацию и отказ от региональной специфики. Был закрыт Мазурский институт (преобразован в «научную станцию» Западного института в Познани), прекратили свою деятельность просветительские учреждения и периодические издания, ориентированные на местную историко-культурную проблематику, деятели польского движения в Восточной Пруссии были обвинены в раскольнических действиях и даже сепаратизме. В политике памяти произошел сдвиг акцентов от регионалистики в сторону общепольского исторического нарратива [28, s. 29—30]. Впрочем, эти изменения не затронули отношения к архитектурному наследию, которое признавалось национальным достоянием, охранялось государством и, особенно со второй половины 1950-х годов, реставрировалось и реконструировалось.

Принятый в конце 1940-х годов курс на конструирование полоноцентричной памяти о прошлом Восточной Пруссии в общих чертах сохранялся до конца существования ПНР [29, s. 164]. Однако за четыре десятилетия он постепенно менялся и эволюционировал. Как правило, это случалось всякий раз, когда в стране происходили общественные кризисы и правящая Польская объединенная рабочая партия вынуждена была модифицировать свои идеологические установки. В 1956 году и первые годы правления В. Гомулки произошла реабилитация регионалистики, были сняты обвинения в сепаратизме с местных историков и деятелей культуры. Этим занималось возникшее на волне

развенчания сталинизма общественно-культурное объединение «Поозерье», вокруг которого объединились сотни любителей истории родного края. В 1961 году в Ольштыне был создан Центр научных исследований им. В. Кентшинского, координировавший усилия профессионалов по изучению прошлого Вармии и Мазур, возобновился выпуск периодических изданий по истории края [23, s. 468—469].

Важной вехой в политике памяти в отношении Воссоединенных земель считается произошедшее в 1965 году событие. Во время работы II Ватиканского собора 34 польских епископа, в том числе Кароль Войтыла (будущий папа Иоанн Павел II), направили письмо немецким епископам о необходимости примирения. В пространном документе анализировались польско-немецкие отношения в широком историческом контексте, указывались их светлые и темные стороны и признавался тот факт, что миллионы немцев пострадали в результате послевоенной депортации. Приглашая немцев на празднование Тысячелетия крещения Польши в 1966 году, поляки обратились к ним как к братьям по вере с призывом: «Мы прощаем и просим вас о прощении» [30, s. 179—186]. Авторы ответа, подписанного 41 епископом ФРГ и ГДР, принимая приглашение и соглашаясь с идеей примирения, избежали признания границы по Одере и Нейсе, чего от них прежде всего ожидала польская сторона. Власти ПНР резко осудили обмен посланиями, фактически приравняв его к государственной измене со стороны духовенства. Очень неоднозначно «письмо епископов» было воспринято на Западных и Северных польских землях, откуда немцы были депортированы после войны. И вряд ли можно согласиться с оценкой этого документа как «краеугольного камня в налаживании польско-германского диалога» [29, s. 324]. Другое дело, что спустя четверть века, уже после падения коммунистических режимов в Восточной Европе, когда Польша устремилась в ЕС и НАТО, «письмо епископов» пришлось как нельзя кстати и было объявлено идейной основой для «возвращения в Европу».

В 1970-е годы в условиях разрядки в Европе и установления новых отношений с ФРГ споры об историческом наследии Восточной Пруссии, вокруг которого еще недавно шла борьба под лозунгом угрозы западногерманского реваншизма, утратили свою актуальность. После выезда в ФРГ абсолютного большинства автохтонов у оставшихся жителей этих земель, которые почти сплошь относились к пришлому населению, культурное наследие края и местные традиции не вызвали большого интереса, постепенно становясь абстрактными музейными объектами и сохраняя ценность только для немногочисленных вармяков и мазуров и узкого слоя гуманитарной интеллигенции [31, s. 46].

Вармия и Мазуры и «исторические войны» рубежа XX—XXI веков

В 1990-е годы изменения регионального ландшафта памяти были в первую очередь связаны с кардинальными переменами в общественно-политической сфере и геополитическим переустройством всей Восточной Европы: падением коммунистических режимов, распадом СССР, объединением Германии, подготовкой и вступлением Польши в НАТО и ЕС. Как и в других посткоммунистических странах, в Польше были приняты мемориальные законы, создана разветвленная инфраструктура для проведения исторической политики в лице образованного в 1998 году Института национальной памяти, чья деятельность с середины 2000-х годов стала важным фактором не только научной, но и общественно-политической жизни в стране. «Новый подъем исторической памя-

ти», по выражению Н. Е. Копосова [32, с. 41—51], в странах Восточной Европы был связан с нарастанием националистических тенденций, применением «исторических обоснований» в пропагандистских целях.

В Польше историческая политика стала активно использоваться президентом Лехом Качиньским и консервативной партией «Право и справедливость». Так, 17 сентября 2009 года, в 70-ю годовщину начала похода Красной армии в Польшу, в Ольштыне при личном участии президента была открыта Аллея жертв Катыни [33, s. 453]. Открытие памятника было специально приурочено ко времени проведения здесь XVIII Всеобщего конгресса польских историков, на котором Л. Качиньский выступил с большой речью, задавшей тон работе съезда. Это частное событие показывает, что одним из главных направлений политики памяти официальных польских властей стала конфронтация с Россией на поле истории. В последние годы в Польше были приняты законы, которые существенно расширяют полномочия Института национальной памяти и предусматривают снос памятников коммунистической эпохи, включая мемориалы советским воинам, за исключением воинских захоронений [34].

Конец 80-х годов XX века в Вармии и Мазурах был отмечен кризисом идентичности, когда прежняя трактовка прошлого региона оказалась подвергнута критике как неполная и тенденциозная. Эти новые веяния в среде ольштынской интеллигенции возникали параллельно с социально-политическими и культурными преобразованиями в стране после революции 1989 года. К тому же децентрализация общественной жизни привела к так называемому «восстанию провинции», когда локальные сообщества ощутили вкус к самостоятельным действиям в среде своего обитания, в том числе в культурной сфере [29, s. 165].

Знаменательным событием в этом ряду стало образование в 1991 году в Ольштыне культурного объединения «Боруссия» (латинское название Пруссии), основанного историком Р. Трабой и поэтом К. Браконекцим и начавшего издавать одноименный журнал. В «Программной декларации» общества говорилось, что Вармия и Мазуры всегда были регионом многонациональным и мультикультурным, поэтому члены общества будут стремиться к «как можно более полному изучению прошлого региона, существовавших здесь политических и национальных отношений, его культурных, художественных и цивилизационных ценностей, а также приложат усилия для того, чтобы критически и творчески создавать новые знания, новую культуру и строить новые взаимоотношения между людьми»³. Это означало отход от односторонней, полоноцентричной трактовки истории Восточной Пруссии и открытость по отношению ко всем этнокультурным сообществам, которые когда-либо проживали на этих территориях.

Сегодня, по мнению сторонников концепции «Боруссии», главная проблема заключается уже не в преодолении табуированных тем в истории Восточной Пруссии, но в решении задачи сохранения уникальности местного историко-культурного ландшафта в условиях глобализации культуры во всем мире. Кроме того, лозунг «открытого регионализма» в последние годы все более приходит в противоречие с провозглашаемыми консервативными силами, находящимися у власти в Польше, принципами новой исторической политики, направленной на патриотическое воспитание и укрепление национальной идентичности, что грозит возвращением к старым национал-коммунистическим трактовкам исторического процесса [29, s. 166].

³ *Stowarzyszenie Wspólnota Kulturowa*. URL: <http://deutsch-polnische-landkarte.info/?p=1030&lang=pl> (дата обращения: 15.08.2018).

Заключение

В процессе освоения после 1945 года Воссоединенных земель новые польские власти столкнулись с необходимостью выработки такой политики памяти, которая позволила бы обосновать законность новых границ, обеспечила наиболее благоприятные условия для интеграции этих земель в состав польского государства и адаптации новоселов в незнакомой для них историко-культурной среде. Аналогичные задачи пришлось решать и советским властям в Калининградской области РСФСР и Клайпедском крае Литовской ССР, но содержание политики памяти и формы ее реализации у соседей существенно различались.

В Вармии и Мазурах региональные власти нашли выход в том, чтобы сделать акцент на польских элементах в восточнопрусском историко-культурном наследии и использовать в качестве посредника в освоении нового края опыт автохтонного населения. Однако надежды на то, что регион станет «интеграционным котлом», в котором польскоязычные вармяки и мазуры гармонично смешаются с новоприбывшими переселенцами из Польши и из-за границы, не оправдались. Абсолютное большинство местных жителей польского происхождения покинули Вармию и Мазуры, эмигрировав в основном в ФРГ.

В начале XXI века Вармия и Мазуры, с одной стороны, стали площадкой для интенсивных научных и культурных контактов со своими соседями, а с другой — оказались втянуты в орбиту новых «исторических войн», связанных с подъемом национал-популизма в странах Восточной Европы, в том числе в Польше, что негативно сказалось на общем климате отношений в Балтийском регионе. При очевидных внутренних выгодах для правящих элит (национальная консолидация, легитимизация правящего режима) «война памятников» и другие формы конфронтации на поле истории несут в себе крайне негативные последствия для международных отношений, провоцируют ксенофобские настроения, порождают и углубляют межнациональные конфликты.

В этих условиях возникают явные противоречия и даже противостояние между центром и регионом, то есть «большими историческими нарративами», тяготеющими к национальной обособленности и исключительности, с одной стороны, и локальными историческими дискурсами, базирующимися на региональной идентичности, признании ценности мультикультурного наследия края, открытости, готовности к сотрудничеству с соседями, — с другой. Нацеленный на диалог «открытый регионализм» сегодня противостоит агрессивному национализму и таким образом способствует расширению трансграничного взаимодействия и международной интеграции.

Список литературы

1. *Историческая политика в XXI веке* / ред. А. Миллер. М., 2012.
2. *Костяшов Ю. В., Мамтес Э. Изгнание прусского духа. Запрещенное воспоминание.* Калининград, 2003.
3. *Safronovas V. Nacionalinių erdvių konstravimas daugiakultūriame regione: Prūsijos Lietuvos atvejis.* Vilnius, 2015.
4. *Sakson A. Od Kłajpedy do Olsztyna.* Poznań, 2011.
5. *Lewandowska I. Trudne dziedzictwo ziemi. Warmia i Mazury 1945—1989.* Olsztyn, 2012.
6. *Traba R. The past in the present: the construction of Polish history.* Frankfurt, 2015.
7. *Majer T. Pełnomocnik Rządu RP na Okręg Mazurski // Studia Prawnoustrojowe.* 2012. T. 18. S. 103—119.

8. *Warmia i Mazury* / red. S. Achremczyk. Olsztyn, 1985.
9. *Zagadnienie repolonizacji* // Wiadomości Mazurskie. 1946. 7 maja.
10. *Żyromski S.* Przesiedlenie ludności niemieckiej z województwa olsztyńskiego poza granice Polski w latach 1945—1950 // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. 1969. №3. S. 395—412.
11. *Olsztyn 1945—2005: Kultura i nauka* / red. S. Achremczyk. Olsztyn, 2006.
12. *Polska Zachodnia i Północna* / red. J. Kurczynska. Poznań, 1961.
13. *Sakson A.* Liczebność ludności rodzimej na Mazurach // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. 1987. №3—4. S. 483—491.
14. *Narodowy spis powszechny ludności i mieszkań 2011* / red. J. Pappelbon. Olsztyn, 2012.
15. *Mucha J., Wilamowski B.* Osadnictwo wiejskie w województwie olsztyńskim po roku 1945 // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. 1961. №2. S. 190—219.
16. *Martuszelewski E.* Wobec Akcji “W” // Warmia i Mazury. 1956. 15 maja.
17. *Żyromski S.* Bilans demograficzny województwa olsztyńskiego (1945—1969) // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. 1969. №4. S. 607—618.
18. *Żyromski S.* Procesy migracyjne w województwie olsztyńskim w latach 1945—1949. Olsztyn, 1971.
19. *Eberhardt P.* Political migrations on Polish territories (1939—1950). Warszawa, 2011.
20. *Usunąć ostatnie siedliska zarazy niemieckiej na Mazurach* // Wiadomości Mazurskie. 1946. 15 maja.
21. *Tomkiewicz R.* Kulisy powstania w Olsztynie Pomnika Wdzięczności dla Armii Radzieckiej // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. 1998. №3. S. 395—416.
22. *Vetulani C.* Konserwacja zabytków w województwie olsztyńskim // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. 1958. №3. S. 288—301.
23. *Jasiński J.* Czy wspólnie dziedzictwo na Warmii i Mazurach? // Echa Przeszłości. 2009. Vol. 10. S. 465—486.
24. *Lewandowska I.* Polityka wystawiennicza Muzeum Warmii i Mazur w latach 1945—1989 // Nauczanie historii jako powrót do źródeł. Olsztyn, 2010. S. 271—292.
25. *Misiło E.* Wojewódzki urząd informacji i propagandy w Olsztynie // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. 1981. №1. S. 55—85.
26. *Filipkowski T.* Średnie szkoły ogólnokształcące na Warmii i Mazurach (1945—1947) // Echa Przeszłości. 2009. Vol. 10. S. 313—327.
27. *Tomkiewicz R.* Rocznice bitwy pod Grunwaldem w Polsce Ludowej. Olsztyn, 2011.
28. *Sukertowa-Biedrawina E.* Z historii badań regionalnych na Mazurach i Warmii // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. 1957. №1. S. 25—32.
29. *Wyobrażenia przeszłości. Polsko-niemieckie miejsca pamięci* / red. R. Traba. Warszawa, 2017.
30. *Madajczyk P.* Na drodze do pojednania. Wokół orędzia biskupów polskich do biskupów niemieckich z 1965 roku. Warszawa, 1994.
31. *Wrzesiński W.* Dziedzictwo a tożsamość // Komunikaty Mazursko-Warmińskie, 1997. №1. S. 37—53.
32. *Kopocov H.E.* Память строгого режима: История и политика в России. М., 2011.
33. *Gieszczyński W.* Uroczystość otwarcia Alei Ofiar Katyńskich w Olsztynie // Echa Przeszłości. 2010. Vol. 11. S. 453—457.
34. *Kopocov H.* О новом польском «мемориальном законе» // Гефтер. 14.02.2018. URL: <http://gefter.ru/archive/24048> (дата обращения: 15.08.2018).

Об авторах

Юрий Владимирович Костяшов, доктор исторических наук, профессор Института гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: ikostyashov@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9732-0187>

Виктор Владимирович Сергеев, доктор исторических наук, профессор Института гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: viktsergeev@yandex.ru

Для цитирования:

Костяшов Ю. В., Сергеев В. В. Региональная политика памяти в Вармии и Мазурах (Польша) // Балтийский регион. 2018. Т. 10, №4. С. 118—131. doi: 10.5922/2079-8555-2018-4-8.

REGIONAL POLITICS OF MEMORY IN POLAND'S WARMIA AND MASURIA

Yu. V. Kostyashov¹

V. V. Sergeev¹

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevskogo Str., Kaliningrad, 236016, Russia

Submitted on September 15, 2018

doi: 10.5922/2079-8555-2018-4-8

A contribution to memory studies, this work focuses on Poland's Warmian-Masurian voivodeship. Before the war, this territory and the neighbouring Kaliningrad region of Russia comprised the German province of East Prussia. In this article, we strive to identify the essence, mechanisms, key stages, and regional features of the politics of memory from 1945 to the present. To this end, we analyse the legal regulations, the authorities' decisions, statistics, and the reports in the press. We consider such factors as the education sector, the museum industry, the monumental symbolism, the oral and printed propaganda, holidays and rituals, the institutions of national memory, the adoption of memory-related laws, and others. From the first post-war years, the regional authorities sought to make the Polonocentric concept of the region's history dominate the collective consciousness. This approach helped to use the post-war legacy impartially and effectively. However, the image of the past was distorted. This distortion was overcome at the turn of the 21st century to give rise to the concept of open regionalism. An effective alternative to nationalistic populism, open regionalism provides a favourable background for international cross-border cooperation.

Keywords: politics of memory, Warmian-Masurian Voivodeship, Poland, historical and cultural heritage, open regionalism

References

1. Miller, A. (ed.) 2012, *Istoricheskaya politika v XXI veke* [Historical politics in the 21st century], Moscow, 648 p. (in Russ.).
2. Kostyashov, Yu. V., Mathes, E. 2003, *Izgnaniye prusskogo dukha. Zapreshchennoye vospominaniye* [The expulsion of the Prussian spirit. Forbidden memory], Kaliningrad, 162 p. (in Russ.).
3. Safronovas, V. 2015, *Nacionalinių erdvių konstravimas daugiakultūriame regione: Prūsijos Lietuvos atvejis*, Vilnius, 317 p.
4. Sakson, A. 2011, *Od Klajpedy do Olsztyna*, Poznań, 828 p.

5. Lewandowska, I. 2012, *Trudne dziedzictwo ziemi. Warmia i Mazury 1945—1989*, Olsztyn, 433 p.
6. Traba, R. 2015, *The past in the present: the construction of Polish history*, Frankfurt, 333 p.
7. Majer, T. 2012, Pełnomocnik Rządu RP na Okręg Mazurski, *Studia Prawnoustrojowe*, no. 18, p. 103—119.
8. Achremczyk, S. (ed.) 1985, *Warmia i Mazury*, Olsztyn, 850 p.
9. Zagadnienie repolonizacji 1946, *Wiadomości Mazurskie*, 7 maja.
10. Żyromski, S. 1969, Przesiedlenie ludności niemieckiej z województwa olsztyńskiego poza granice Polski w latach 1945—1950, *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*, no. 3, p. 395—412.
11. Achremczyk, S. (ed.) 2006, *Olsztyn 1945—2005: Kultura i nauka*, Olsztyn, 927 p.
12. Kurczynska, J. (ed.) 1961, *Polska Zachodnia i Północna*, Poznań, 542 p.
13. Sakson, A. 1987, Liczebność ludności rodzimej na Mazurach, *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*, no. 3—4, p. 483—491.
14. Pappelbon, J. (ed.) 2012, *Narodowy spis powszechny ludności i mieszkań 2011*, Olsztyn, 96 p.
15. Mucha, J., Wilamowski, B. 1961, Osadnictwo wiejskie w województwie olsztyńskim po roku 1945, *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*, no. 2, p. 190—219.
16. Martuszczyński, E. 1956, Wobec Akcji "W", *Warmia i Mazury*, no. 3, p. 7—12.
17. Żyromski, S. 1969, Bilans demograficzny województwa olsztyńskiego (1945—1969), *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*, no. 4, p. 607—618.
18. Żyromski, S. 1971, *Procesy migracyjne w województwie olsztyńskim w latach 1945—1949*, Olsztyn, 157 p.
19. Eberhardt, P. 2011, *Political migrations on Polish territories (1939—1950)*, Warszawa, 225 p.
20. Usunąć ostatnie siedliska zarazy niemieckiej na Mazurach, 1946, *Wiadomości Mazurskie*, 15 maja.
21. Tomkiewicz, R. 1998, Kulisy powstania w Olsztynie Pomnika Wdzięczności dla Armii Radzieckiej, *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*, no. 3, p. 395—416.
22. Vetulani, C. 1958, Konserwacja zabytków w województwie olsztyńskim, *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*, no. 3, p. 288—301.
23. Jasiński, J. 2009, Czy wspólne dziedzictwo na Warmii i Mazurach? *Echa Przeszłości*, no. 10, p. 465—486.
24. Lewandowska, I. 2010, Polityka wystawiennicza Muzeum Warmii i Mazur w latach 1945—1989, *Nauczanie historii jako powrót do źródeł*, Olsztyn, p. 271—292.
25. Misiło, E. 1981, Wojewódzki urząd informacji i propagandy w Olsztynie, *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*, no. 1, p. 55—85.
26. Filipkowski, T. 2009, Średnie szkoły ogólnokształcące na Warmii i Mazurach (1945—1947), *Echa Przeszłości*, no. 10, p. 313—327.
27. Tomkiewicz, R. 2011, *Rocznice bitwy pod Grunwaldem w Polsce Ludowej*, Olsztyn, 308 p.
28. Sukertowa-Biedrawina, E. 1957, Z historii badań regionalnych na Mazurach i Warmii, *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*, no. 1, p. 25—32.
29. Traba, R. (ed.) 2017, *Wyobrażenia przeszłości. Polsko-niemieckie miejsca pamięci*, Warszawa, 501 p.
30. Madajczyk, P. 1994, *Na drodze do pojednania. Wokół orędzia biskupów polskich do biskupów niemieckich z 1965 roku*, Warszawa, 196 p.
31. Wrześniński, W. 1997, Dziedzictwo a tożsamość, *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*, no. 1, p. 37—53.
32. Kuposov, N. E. 2011, *Pamyat strogoego rezhima: Istoriya i politika v Rossii [Memory of the strict regime: History and Politics in Russia]*, Moscow, 320 p. (in Russ.).
33. Gieszczyński, W. 2010, Uroczystość otwarcia Alei Ofiar Katyńskich w Olsztynie, *Echa Przeszłości*, no. 11, p. 453—457.
34. Kuposov, N. 2018, On the new Polish "memorial law", *Gefter*, online journal, available at: <http://gefter.ru/archive/24048> (accessed 15.08.2018) (in Russ.).

The authors

Prof. Yury V. Kostyashov, Institute for the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: ikostyashov@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9732-0187>

Prof. Victor V. Sergeev, Institute for the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: viktsergeev@yandex.ru

To cite this article:

Kostyashov, Yu. V., Sergeev, V. V. 2018, Regional politics of memory in Poland's Warmia and Masuria, *Balt. Reg.*, Vol. 10, no. 4, p. 118—131. doi: 10.5922/2079-8555-2018-4-8.